

Мечта актера – сыграть немого

Независимая – 2002 – 14 авг. – С. 8

Андрей Ильин пошел во МХАТ за адреналином

Григорий Заславский

Андрей Ильин стал чуть ли не первым актером, которого Табаков пригласил в труппу МХАТа имени Чехова, когда занял в этом театре место худрука. Ильин дебютировал в роли Людовика Великого в «Кабале святош», где сам Табаков сыграл Мольера. С тех пор работу во МХАТе им. Чехова актер весьма успешно совмещает с участием в антрепризах, спектаклях Театра им. Моссовета, где работал прежде, активно продолжает сниматься в сериалах и фильмах («Какая чудная игра», «Циники», «Каменская» и др.). Сыграл во МХАТе доктора Харвестера в пьесе Мозма «Священный огонь» и Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании». Репетирует Немого брата Богуша в пьесе Когоута «Нули». Заслуженный артист России.

— Что дают актеру сериалы, кроме денег? Я далек от осуждения, но ведь в спешке, которая сопутствует таким съемкам, невозможно получить творческое удовольствие, что для актера тоже важно?

— Нет, можно почувствовать вкус роли. Любой актер может вам сказать, что, выйдя из-за кулис на сцену, он вместе с пылью от сапог действительно оставляет все позади и настраивается на сиюсекундный момент пребывания на сцене. Это касается и кино. Я переодеваю костюм, гримируюсь, и я уже абсолютно в образе того персонажа, которого мне сейчас предстоит играть. Идет мгновенная перестройка. Любой приличный актер может рассказывать анекдоты, выйти на сцену и сразу заплакать. Это определенный тренаж – даже профессиональные актеры переходят из одного качества в другое очень легко. В этой спешке есть свой смысл.

— Раньше актеры умели себя сохранять, умели экономить и распределять силы. Сегодня – перед глазами – пример растраты, безвременного ухода совсем не старых и даже молодых артистов, силы-то ограниченны...

— Я абсолютно с вами согласен. Распределять силы, конечно, необходимо. Могу сказать в свою защиту, что я, скажем, курю, и много курю, но не злоупотребляю спиртным. Старюсь высыпаться. Если есть возможность передохнуть днем, я делаю это охотно. Это такая моя способность распределять организм на день или на более длительный срок. Не очень люблю тусоваться, особенно в последнее время не хожу на какие-то пати, чтобы пообщаться и завести новые знакомства. Если знаю, что завтра работа, я себя во многом ограничиваю, и последний год – тому доказательство. Работы было много и в театре, и в кино, действительно распределяться было нужно. То, о чем вы говорите, это беда и проблема нашего поколения, когда люди бросаются и туда и сюда, стараются всюду успеть... Я отдаю отчет и себе, и своим возможностям, и силам, и энергетике. И стараюсь себя ограничивать. От многого отказываюсь.

— Табаков, давая вам роль за ролью, пытается вас привязать к театру. И, собирая труппу, он все-таки думает о том, чтобы это была труппа. Не театр-дом, но некая команда, коллектив, который будет работать в этом месте. А вы все равно "не привязываетесь"? Важно ли вам, чтобы у вас было определенное место работы, основное место?

— Сложный и животрепещущий для меня вопрос, потому что мне приходится разрываться между основным моим местом работы – МХАТом, где лежит трудовая книжка, – и всеми моими остальными «халтурами» в хорошем смысле слова... Тут нужно уметь лавировать, уметь договариваться с руководством театра, с затруппой. Пока получается.

Как сложится в дальнейшем – не знаю, боюсь загадывать и прогнозировать. Пока удается контролировать ситуацию.

— Три новые роли во МХАТе вам что-то дали? Удовольствие от них оправдывает ваше положение штатного актера?

— Наверное, вопрос тут в другом: зачем мне нужен был вообще переход во МХАТ? Что это было за состояние души, когда я попросил у Олега Павловича недельку на обдумывание и самые противоречивые мысли и чувства возникли в моей голове. Я тогда решился на переход. Мне показалось, что как-то уж слишком все хорошо вокруг. Устаканилось. Я – актер Театра имени Моссовета, играю главные роли, вышла очень неплохая, на мой взгляд, премьера – «Черная невеста». И роль мне нравится, и спектакль вроде бы неплохой... Я почувствовал, что нужно что-то изменить, появилась потребность в адреналине. Необходимо было что-то изменить в судьбе, в биографии, в себе самом. И я

все говорили о нем в превосходных степенях – какой он был тонкий, хитрый, глубокий и так далее, и так далее. Я уж не говорю об Иннокентии Михайловиче, который до конца моих дней останется для меня Моцартом в актерской профессии, богом... Я видел этот телеспектакль давно, лет двадцать назад, но его Порфирий Петрович стоит у меня перед глазами... Хотя сейчас, уже сыграв премьеру, я бы с удовольствием заново пересмотрел фильм, чтобы, может быть, более подробно присмотреться к каким-то деталям. Конечно, страшно. Но чего бояться? Волков бояться – в лес не ходить. А Людовик Четырнадцатый в «Кабале святош» вообще у всех на слуху!

— Вы как-то переживаете, что во МХАТе идете "по следу" Смоктуновского, играете его роли?

— Ну, разве что одну, Людовика, поскольку Порфирия Петровича он сыграл не во МХАТе... Иногда такие мысли посещают, но я даже во сне не смогу представить, что когда-

Доктор Харвестер – Андрей Ильин. Фото Олега Черноуса (МХАТ)

ни секунды не жалею о принятом тогда решении. Сердце действительно затрепетало, мозги заработали, все зашевелилось во мне и вокруг. Три роли мне дороги и многое дали. Во-первых – возможность работать с новыми партнерами, с новыми режиссерами. Сам дух мхатовской сцены заставляет что-то трепетать внутри. Может быть, потому что последняя работа, пре-

нибудь буду претендовать на его место в театре.

— Что для вас было главным в роли следователя? Сколько ни перечитывай роман, всякий раз думаешь, что Порфирий у Достоевского какой-то "неуловимый". Он кажется то садистом, то другом Раскольникова. Вдруг обратишь внимание на то, что он к сорока годам неженатый. Почему? В спектакле он вдруг вы-

Порфирий по молодости мог пойти по неправильному пути, убить старушку, если не убил (и даже парочку мог замочить в свое время)

мьерная, самая дорогая и любимая, я благодарен судьбе, что сыграл Порфирия Петровича в режиссуре Елены Нежиной. Пусть это новая сцена МХАТа...

— Совсем малая новая сцена...

— Да, пусть это на сто человек, в спектакле есть, на мой взгляд, главное – атмосфера и дух Достоевского. Есть некая загадка, которую мы все пытаемся разгадать. И есть благодарный зритель, который откликается на наш нерв и на те мысли, которые мы несем.

— Вы не боялись играть Порфирия после Леониды Маркова, после Смоктуновского?

— Конечно, боялся. К сожалению, я не видел Маркова в этой роли, но много слышал. Тем более, я работал в театре, где многие актеры помнят спектакль и играли в нем. И

ходит таким алхимиком, сливающим какие-то растворы...

— Он, конечно, многоликий. Разный. Поэтому в спектакле он появляется на сцене три раза, и каждое его явление не похоже на другое. Вместе с режиссером мне очень помогла художник по костюмам. С самого начала был заявлен в каждой сцене новый характер. Сначала – барин, такой восточный персонаж, которому не хватает только кальяна, кофе по-турецки. Он вальяжен, гурман, хотя это все – только внешность. Во второй части – полу-Наполеон, в треуголке даже, и действительно в его поведении встречаются элементы садизма. Но вторая сцена это скорее сны Раскольникова, его представление об окружающей реальности или даже inferнальном мире, в котором он пребывает. Поэто-

му и Порфирий там может быть любым, даже старушкой с вязанием. И там есть в спектакле момент, когда я вяжу что-то на спицах...

— По-настоящему вяжете, к слову?

— Лет пятнадцать назад я умел вязать крючком. Меня это увлекало, но вязание у Порфирия – не моих рук дело. Но раньше я вязал, и даже есть образцы, я подарил своей учительнице в Нижнем Новгороде салфеточку, она ее бережет. Но это, к сожалению, не стало моим хобби, процесс этот подробный и отнимает много времени.

— Еще один технический вопрос. Когда вы берете в руки колбы и пробирки, вы не боитесь, что перепутаете пропорции, и все это взорвется в ваших руках?

— Там ничего страшного нет: сода мешается с уксусом, марганцовка с чем-то еще... Получаются красивые эффекты... Если говорить о зерне роли – главное в Порфирии то, что он лицедей. Мудрый, старый, хотя ему нет еще и сорока, но в позапрошлом веке люди быстрее взрослели. В Раскольникове он видит прежде всего себя. И то, чем сейчас болеет Раскольников, Порфирий когда-то пережил, все это он проходил когда-то, по молодости мог пойти по неправильному пути, убить старушку, если не убил (и даже парочку мог замочить в свое время), тоже писал философские работы по теории преступления... Он сожалеет, что упредить преступление уже нельзя, и любит Раскольникова, искренне любит его, видя в нем себя самого. А не женат он, наверное, потому, что неуживчив и человека видит насквозь, и потому с ним невыносимо трудно, как невыносимо трудно было с самим Достоевским. Я думаю, что Достоевский в Порфирия Петровича внес частичку своей судьбы и своего я. Кто, как не Достоевский, обладал потрясающим аналитическим умом следователя?..

— Слушая совершенно гениальный текст, я думал, как же трудно было вам отказываться от тех или иных эпизодов...

— Но надо думать было о спектакле в целом. Условия малой сцены не позволяли расстаться и распределиться на какое-то очень долгое время, поэтому я охотно шел на любое сокращение, подавал всем пример и нещадно кромсал монологи.

— Ну, актер всегда заинтересован в том, чтобы на сцене быть дольше, а говорить меньше.

— У меня сейчас как раз наконец сбылась мечта. Сейчас продолжатся репетиции по пьесе Павла Когоута «Нули». Там у меня роль замечательная – вообще без слов. Я играю немого.

— Три роли у трех разных режиссеров. Трудно говорить, что речь об одном театре – то есть сцена-то была одна, но театры – стили – были, наверное, различными? Шапиро, Врагова, Нежжина – три разные школы.

— Абсолютно! Диаметральные противоположные порою.

— Как они уживались под одной крышей?

— Они даже не встречались, поверьте, хотя репетировали под одной крышей и порою с одними и теми же артистами. Ничего.

— Для Табакова, судя по частоте его заявлений на эту тему, очень важен момент и собственной материальной независимости, и материальной независимости своих подопечных. Дает ли сегодня работа в театре такую независимость?

— Понимаете, человеку всегда мало, сколько бы денег у него ни было. Во МХАТе платят артистам очень прилично, есть возможность зарабатывать, и голодных в театре нет. В новом сезоне вводится новая система оплаты – то есть чем больше ты работаешь, тем больше получаешь. Зависимость простая. Думаю, что это больше, чем в других театрах. Актер должен быть сытым и сытой должна быть его семья. ■